

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Следы на воде. Часть 2: Водоворот

Городская квартира. Большая, просторная. В спальне на постели спит мужчина. Сильный, красивый,... желанный. С трудом отворачиваюсь и смотрю на девушку передо мной. Зрелище еще то: рыжие волосы в художественном беспорядке... ладно, волосы просто всклокочены, губы опухли от поцелуев, на груди — следы засосов. Из одежды — мужская рубашка, в которую при желании можно завернуться пару раз. Зеленые глаза блестят от счастья. Подмигиваю, и девушка послушно подмигивает в ответ. Не удержавшись, прикасаюсь к зеркалу, и рыженькое чудо повторяет мое движение. Вот только глаза у нее на секунду становятся печальными, а яркий изумрудный оттенок сменяется зеленоватой бездной речного омута. Многие годы я не видела своего собственного лица, отражаясь в глазах мужчин в облике тех, кого они когда-то потеряли. И вот теперь я — снова я. Настоящая, почти живая. На долго ли?

Час назад его сильные, но такие нежные руки скользили по моей коже, ласкали соски, медленно путешествовали по всему телу, спускаясь все ниже, туда, где сосредоточились все мои желания. И когда, после бесконечных ласк, он наконец вошел в меня, я подалась ему навстречу, заставляя двигаться быстрее, резче, стремясь скорее утолить сжигающее меня желание. Этот раз был неистовым и грубым. Удивительным и совершенным. За ним последовал медленный, мучительно нежный. Каким будет следующий раз? Не знаю, но уверена в одном — он раскроет для нас двоих новые сверкающие грани нашей любви, подарит вечность...

Наша встреча на берегу прошла... странно. Ну, вот как бы вы отреагировали на появившуюся из воды девушку, которую любили в юности? А если при этом она погибла двадцать лет назад? И при этом вы почему-то не поддались магии. Думаю, диким криком или попыткой вспомнить все когда либо слышанные молитвы. И это было бы нормально. Вот только Алексей вместо этого просто сгреб меня в объятия и не отпускал. Не отпускал совсем, ни на секунду, словно опасаясь, что отдалившись хоть на миллиметр, я сразу же исчезну, истая туманом.

И он был не так уж и неправ: в какой-то миг мне просто стало страшно, захотелось отступить обратно в воду, убежать, уплыть, затаиться где-нибудь поглубже. А все потому, что происходящее не укладывалось ни в какие рамки. Хотя бы то, как он смотрел на меня: с любовью, с желанием, с тоской,... но без ставшей уже привычной за долгие годы похоти. Нет, мое обнаженное тело возбуждало Лешу, но жаждал он те только секса, а чего-то еще, о чем я забыла давно и надолго. И запретила себе вспоминать.

Я же просто нежилась в его руках, слушала несколько бессвязные речи, смесь признаний в любви, просьб о прощении и робких вопросов, и — молчала. Молчала не только потому, что боялась навредить своим русалочьим голосом, но и потому, что боялась рассказывать. Поэтому когда Леша начал что-то говорить о нашем прошлом, я просто прижала палец к его губам и покачала головой. Что бы он не сказал сейчас — это уже ничего не изменит. Прошли годы, он изменился, я... тоже изменилась. Иногда бывает слишком поздно для любых оправданий.

Да и что рассказать ему в ответ? «Я, дорогой, провела эти двадцать лет очень насыщенно:

стала русалкой (это что-то среднее между водным духом и нежитью), соблазнила больше сотни мужчин, отлично с ними потрахалась, потом — утопила, чтобы получить энергию. И, да, чуть не забыла, почти все утопленники на пару дней пути вверх и вниз по течению — моих рук дело. Надо же девочке иногда развлекаться...» Подозреваю, что даже для безумно влюбленного это будет чересчур. Пусть внешне я и похожа на диснеевскую русалочку, но настоящая речная дева — это далеко не Ариель, и никакие поцелуи не превратят меня в человека. Так что просто снова исчезнуть в воде — самый лучший выход.

В себя пришла в машине Леша, причем закутанная в его пиджак, то ли из желания спасти от холода (в летнюю жару — очень своевременно), то ли из соображений приличия. На голое тело вышло так «прилично», что если не «отвод глаз», не известно чем бы все закончилось на дороге. Но это не главный вопрос. Главный — что я вообще делаю в машине, быстро уезжающий от реки в сторону города?! Нет, мы, русалки, можем уходить от воды, особенно, если сыты, но обычно нам это просто не нужно... Вот только забыла, как на меня действует чья-то беспардонная наглость и напористость. И он вообще головой-то думает? А если я зомби и сейчас начну есть его мозги? Хотя, если судить по поведению, есть там особо нечего. А «есть мозги» в переносном смысле, не имея возможности говорить — крайне затруднительно. Вот как его развернуть обратно? Руль вырывать — так еще с дороги слетим, разобьемся. Мне-то хоть бы что, но Леша... с каких пор меня волнует, что с ним станет? И почему я его там же не утопила? Вопросы, вопросы... Я вдруг поняла, что не хочу, не буду искать на них ответы. Пусть все идет как идет.

Когда Леша был дома, мы любили друг друга так часто, что это казалось нереальным. То быстро, грубо, словно боясь в следующий миг потерять, то медленно, мучительно нежно, словно впереди целая вечность. Кажется не осталось ни малейшего клочка моей кожи, где не побывали его губы, ни единой частички его тела, которую я не ласкала. И даже когда к моему мужчине приходил сон, я лежала, тесно прижимаясь к его разгоряченному от любви телу, купаясь в его тепле, вдыхая запах, слушая дыхание.

Я давно перестала считать дни, проведенные в дали от реки, да и само мое двадцатилетнее существование как будто стерлось, отступило и теперь казалось каким-то кошмарным сном. Далеким и нереальным. Стоило закрыть глаза, и почти получалось поверить, что на самом деле я провела все эти годы здесь, с моим любимым, деля радости и огорчения, взрослея, и даже старея... Но стоило ночи окончиться, и солнечный свет возвращал все на свои места: я видела рядом мужчину, прожившего целую жизнь без меня, а в зеркале — юную девушку, все так же прекрасную, как и годы назад, хрупкую, нежную... с глазами древнего существа, живущего воспоминаниями и знающего лишь голод.

Поэтому стоило Леше уйти, и я сразу же задергивала шторы, гасила свет, и погружалась какое-то подобие забытья, запрещая себе думать о происходящем и о том, что будет дальше. Сидела где-нибудь в уголке застывшей статуей, пока в замке не поворачивался ключ, и до моего острого слуха не доносилось его дыхание, заставлявшее дышать с ним в унисон. И тогда я с улыбкой спешила ему навстречу, и чувствовала, как горячие руки ласкают нежную кожу, разнося живое тепло по каждой частичке моего тела, как его губы накрывают мои. Как его ласки пробуждают во мне страсть, яркую словно вспышка.

И позже, чувствуя его в себе, подчиняясь его уверенному ритму, позволяя увлечь себя ко все новым вершинам, я прикасалась к его сильному телу, то робкими ласками передавая ему свои

желания, то оставляя на плечах и спине алые полосы. В такие мгновения я чувствовала себя живой, как никогда в жизни. Чувствовала себя совершенной. Постепенно я начала жить и двигаться даже если Леши не было рядом. От скуки, включила телевизор, и, рассматривая совершенно незнакомые лица, спорящие о чем-то важном, но для меня — совершенно бессмысленном, вдруг поняла, что мне интересно. Мне, русалке, которую не волнует ничего в настоящем. Это было странно. И приятно. И немного страшно, потому что я не понимала, что происходит.

В другой день я почувствовала голод. Нет, не ту пожирающую изнутри пустоту, что толкает таких как я на поиски жертвы, а самый обычный. Есть захотелось. Вот только русалки — не едят... В холодильнике у Алеши нашлась рыба. Интересно, это знак судьбы, или просто так совпало? Впрочем, оказалось, что я еще помню, как готовить. Целую вечность не решалась попробовать. А когда все же откусила крохотный кусочек — едва не застонала от нахлынувших ощущений. Оказывается вкусная пища это так... вкусно! Как я существовала без этого столько лет?!

Алеша, вернувшийся с работы, с удивлением увидел готовый ужин на столе. Оценил. Впрочем, сам съел до обидного мало, все больше замороженным видом наблюдая, как я улетаю уже третью порцию. То ли, наконец, перестал опасаться за свои мозги, то ли наоборот — начал. А после ужина, извинившись, выскочил из квартиры. Но прежде, чем я успела решить, обидеться мне или испугаться, вернулся с пакетом мороженого. Боги, я уже и забыла, как я его обожала! А Леша, оказывается, помнит. Вот только зачем так много-то? Оказалось, мороженое можно использовать весьма интересным способом. Многими способами. В эту ночь я едва не нарушила свой «обет молчания» и не начала умолять любимого наконец остановиться, прежде чем сойду с ума от наслаждения. ***

Снова отворачиваюсь от зеркала, и смотрю на спящего мужчину. Все хорошо... ведь все хорошо? Но откуда тогда тревога? Мне никогда не было так комфортно, так спокойно. Я — любима, Леша — рядом, прошлое... пусть остается в прошлом. Но что же тогда мне не дает покоя? Прошли уже месяцы как я здесь, на улице осень, но нет причин жаловаться. Даже голод не появляется. Голод?! Черт, черт, черт... Нет!

Вглядываюсь внимательнее в любимое Лешино лицо, и только теперь замечаю то, от чего неосознанно отмахивалась. Бледные, словно бескровные щеки, усталый вид, хриплое, неровное дыхание. Сейчас, во сне, он выглядит особенно уставшим. Похудевшим. Истощенным. Мои глаза меняются — и меня ослепляет блеск сотни нитей, протянувшихся от него ко мне. Нитей, переполненных энергией. Я не чувствую голода, потому что постоянно питаюсь. Пусть медленнее, чем обычно, когда растворяющаяся в водах душа разом отдает все свои силы, но зато непрерывно, день за днем, ночь за ночью. Один раз я уже опоздал, но второго шанса я не упущу.

— Ты не понимаешь! — слова вырываются сами, и, прежде чем успеваю испугаться, понимаю, что голос у меня сейчас самый обычный. Испуганный, дрожащий от холода, слегка хриплый, но — человеческий.

— Не понимаешь! Я не могу остаться! Если я не уйду — ты умрешь. Веришь?

— Пусть так, — по глазам вижу, он верит, но осознание возможной гибели оставляет его равнодушным, — Но я рискну.

— Это не риск. Просто глупость. Здесь нельзя выиграть! — ну вот как его убедить...

— Зато я отлично знаю, что именно проиграю, если позволю тебе уйти. Раз уже обжегся. Так

что куда бы ты не пошла — я пойду за тобой.

— Глупо... Какой же ты глупый, — холодно, поэтому прижимаюсь к Леше сильнее, и наконец-то целую. Кажется, тепло его ладоней расходитя по всему телу, заставляя кровь вскипеть. Не важно, что будет дальше, но сейчас мы живы оба.

Даже обычным взором видны сотни, нет, уже тысячи светящихся нитей, сплетающих нас в одно целое. И энергия больше не течет от него — ко мне, но мечется между нами, умножаясь с каждым разом, разливаясь вокруг, и закручиваясь стремительным водоворотом. Не знаю, что сейчас увидели бы случайные свидетели. Огненный смерч? Объятые ослепительным пламенем фигуры? Просто двух странных людей, обнимающих друг друга на берегу реки? Свет, разлившийся вокруг, ослепляет. Закрываю глаза, и во всем мире остается лишь тихий шепот:

— Аля...

— Аля, стой! — сильные руки отрывают меня от перил и прижимают к широкой груди. Прижимают от души, крепко, заставляя издать полузадушенный писк. Распахиваю глаза и вижу прямо перед собой обеспокоенное лицо Леша. Молодое лицо. Ошарашено оглядываюсь: мост, осень, ледяной дождик, Алексей студенческого возраста... и руки совсем онемели. Ну, это хорошо, будет не так больно совершить задуманное.

— Аля, я...

Закончить Леша не успевает, потому что кулак со всех моих невеликих сил впечатывается ему в челюсть. Чистый нокаут... был бы, будь во мне килограмм на шестьдесят побольше. А так даже головой не мотнул, лось здоровый. Пощечина удаётся на славу, но тоже ноль реакции. Ногтями в физиономию что ли вцепиться... Но на этапе подготовки меня ловко ловят за руки и заводят их за спину, крепко прижимая к себе. Пытаюсь боднуть его головой, но лишь утыкаюсь в грудь. Какой же он все таки высокий, гад. И такой... уютный. Ну вот, не удержалась: реву из-за парня, который меня обманул... на груди у парня, который меня обманул. Блин, неловко как-то получается. И все-то у меня не как у людей.

— Пожалуйста, посмотри на меня.

Поднимаю взгляд. Сквозь слезы лицо Леша постоянно меняется, и я даже не могу сразу понять, сколько лет удерживающему меня человеку. Сорок или двадцать? В глазах проясняется: все таки двадцать. И вид очень расстроенный. Выдавливаю из себя сквозь всхлипы:

— Ты меня обманул! Было пари...

— Да, было, — Алексей даже не пытается оправдываться, — Тупое, идиотское пари. Но, знаешь, я ни капли о нем не жалею. Ведь если бы его не было — мы могли так и не познакомиться поближе. И я бы в тебя не влюбился.

Мои кисти, сжатые в его горячих ладонях, начинают отогреваться, и теперь их словно покалывает миллион маленьких иголок. Но ведь есть еще кое-что.

— А та... девушка? Блондинка.

— Лена? — Леша на миг мрачнеет, — Она — причина, по которой я сразу не рассказал тебе все, когда понял, что это серьезно. Мы с ней два года были вместе. Нет, никакой безумной любви, но я должен был с ней поговорить, прежде чем двигаться дальше. Расставить все точки, сказать «прости и прощай». Это она сказала, что мне следует поторопиться искать тебя, прежде чем ты не натворила дел. Сама сожалеет, что так вышло.

— То есть вы...

— Теперь — просто друзья. Аля, я не жду, что ты сразу мне поверишь, но, пожалуйста, дай мне шанс. Пошли со мной.

Иголки переключались с рук на все остальное тело. Надо бы собраться, и выдать что-нибудь из серии «не в этой жизни, козел», как и положено приличной обиженной девочке, но то, что я по прежнему плотно прижата к Леше, сильно мешает думать. И вести себя прилично — тоже. И все же я пробую.

— А если мне в другую сторону?

— Куда бы ты не пошла — я пойду за тобой, — Леша улыбается своей фирменной нагловатой улыбкой, — Не могу тебя отпустить. Извини.

Вздрагиваю и кошусь на реку. Вон там, под водой... хотя нет, показалось.

— Тогда пошли отсюда, ладно? Холодно. И учти, я тебя еще даже близко не простила.

— Обсудим это... вечером, — по моим губам скользит легкий поцелуй. Даже не поцелуй, а, скорее, обещание. Намек на увлекательные перспективы вечернего обсуждения. Краснею. Вместо иголок, по телу разливается тепло. Наконец-то отлипаю от груди своего «обидчика» и демонстративно растираю побаливающий кулак. Челюсть у него каменная что ли...

Уходя, бросаю последний взгляд на реку. Привиделось ли мне это, или там, в холодной глубине действительно скользят безмолвные хищные тени, живущие лишь прошлым и осколками чужой боли? Надеюсь, это все-таки был просто сон. Если же нет, то хочется верить, когда-нибудь даже русалки поймут, что любые обиды — это лишь следы на воде. Надо просто позволить им растаять — и жить дальше